

АГЕНТИВНЫЙ ТИП ПРЕДМЕТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ СТАРОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

К актуальным проблемам современной лингвистики следует отнести исследование механизмов языковой номинации. Построение типологии номинации в особенности актуально, поскольку позволит установить и описать общие закономерности образования языковых единиц, проследить, как происходит взаимодействие языка, мышления и действительности при возникновении наименования. Единицы могут быть рассмотрены с позиций крайне важного, на наш взгляд, показателя — характера признака, привлеченного к именованию.

Изучение предметных наименований языка старорусской деловой письменности показывает, что выделить такой признак возможно, равно как и возможно включить его в комплекс типологизирующих параметров. Он значим прежде всего потому, что учитывает в процессе анализа прагматический фактор, т. е. роль человека в выборе номинативного признака.

Воссоздав или зафиксировав номинативное суждение и вычленив таким образом признак, легший в основу наименования, представилось возможным установить типы вторичных неавтономных однословных и неоднословных наименований. Оказалось, что наиболее продуктивным является агентивный тип (далее следуют локальный, посессивный, инклюзивный, партитивный и др.). Агентивность можно понимать как деятельность, действие, а это значит, что предмет получил свое имя по действию, совершаемому им или кем-то другим.

На первый взгляд может показаться, что такие особенности характерны только для *nomina agentis* (имен деятеля). Наши наблюдения свидетельствуют о распространенности этого признака и в других группах предметных наименований, хотя действительно чаще всего он реализуется в названиях лиц.

Осознавая, что имена лиц можно считать единицами, занимающими "промежуточное положение между именами предметов и признаков" [3, с. 336], мы склонны относить их к предметным наименованиям из-за выраженной субстанциональности.

Установить тот факт, что в основу наименования положен агентивный признак, помогает анализ значения слова или словосочетания, а также особенности их функционирования в текстах памятников письменности. Так, например, очевидно, что *розбойникъ* получил свое название потому, что совершал разбой, *розбивал*. (Ср.: *А кого в дерев-*

нях или в городех имя рек на посаде или на дорозе розобьют розбойники или тати покрадут... Крестоц. запись, XVI в.) *Истець* – это тот, кто *ищет*, взыскивает что-либо в суде (... и *про тех исцев сыскивати розметными книгами, и сыщут, что животи его столко есть, на колко ищет, ино дати суд*. Судебник 1589, 128).

Предлагаемый нами механизм выявления привлеченного в наименование признака не должен вызывать возражений, поскольку принимает во внимание сложный процесс порождения имени, которое, по утверждению А. Ф. Лосева, "есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения" [4, с. 32]. Такой подход позволяет, на наш взгляд, отойти от жестких формальных словообразовательных связей и занять позиции, свойственные номинативной деривации антропоцентрического свойства. Размышления над возможными вариантами номинативного суждения неизбежно приводят к пониманию того, что вычленив признак можно достаточно однозначно. К примеру, *розбойникъ* – тот, кто *розбивает*; кто совершает *розбой*; тот, кто *розбойный человекъ*. По *nomina actionis розбой*, равно как и атрибутив *розбойный*, явно мотивированы наименованием действия – *розбивати*.

Наши наблюдения над агентивным типом предметных наименований показывают, что действие, положенное в основу названия, может быть разным. Так, это действие может совершать сам объект номинации, т. е. слово или словосочетание является именем субъекта этого действия. В сфере универбов это в основном наименования лиц: *выходецъ, высылыцикъ, выкупцикъ, выимицикъ, выезжикъ, выезжий, выдельцикъ, выборцикъ, выбоицикъ, зватель* и многие другие. Среди неоднословных наименований такой подтип представлен в названиях лиц, а также в названиях штрафов и пошлин, судов, учреждений. Приведем лишь некоторые примеры: *люди беглые, бродячие* и др.; *судъ проезжий, проездный, деревня живущая, приказ печатный, приказ судный, голова объездной, бабка приемная* и др. Общая схема построения этого подтипа может быть определена так: тот/то, который/которое что делает. Перед нами *агентивно-субъектный подтип*.

Анализ агентивных наименований показывает, что подавляющее большинство из них возникло на основе признака по действию, которое кто-то совершает, т. е. объект наименования не является субъектом действия. В этом случае общая схема подтипа такова: то, где делают что-либо; тот, с которым делают что-либо; то, с помощью чего что-либо делают. Перед нами *агентивно-бессубъектный подтип*. К указанным названиям принадлежат и имена лиц однословные (*свя-*

зень, рассыльщикъ) и неоднословные (*мужи посаженные, приговорные, избранные*), названия документов однословные (*мировая, мирная*) и неоднословные (*грамота доправная, грамота дельная*). К этому же подтипу принадлежат однословные и неоднословные наименования мест, учреждений, земельных угодий (*выгородъ, запашь*), штрафов и пошлин (*деньги молебные, прогонные; пошлина записная, весчая*).

Рассматривая действие как номинативный признак, есть смысл обратить внимание на большую группу наименований, возникших с опорой на объект производимого действия. Думается, можно выделить *агентивно-объектный подтип* однословных и неоднословных наименований. Схема их возникновения может быть представлена в следующем виде: тот/то, который/которое делают что. По нашим наблюдениям, здесь преобладают однословные и неоднословные названия лиц, однако есть и другие группы.

Номинативное суждение в наименованиях этого подтипа подразумевает разное действие. В зависимости от того, кто что изготавливает и чем торгует, получили наименования *вощечникъ, зеркальникъ*. Лицо могло получать свое название по предмету обработки (*скляничникъ, скорнякъ, роговникъ*), по предмету выращивания и ухода (*поросятникъ, псарь*). Применительно к именам лиц можно утверждать, что в качестве объектных выступают многообразные наименования реально возможных объектов воздействия человека.

Неоднословные названия лиц рассматриваемого подтипа тоже широко представлены: *коневоу тать, конский учитель, платяной казначей, кузнецъ железный; мастеръ бахромный, мастеръ бочечный*.

Если принять во внимание, что объект может присутствовать в номинативном суждении без указания на субъект действия, то к агентивно-объектному подтипу следует отнести и такие, к примеру, наименования: *пивоварня* (место, где варят пиво), *вощечня* (место, где выбивают воск), *железное* (пошлина за наложение оков), *деревня бортная, соколиная, конюшенная* (по занятию жителей), *приказъ каменный, оружейный, постельный, пушкарский* (по предмету ведения).

Безусловного внимания при описании выявленного типа наименований заслуживает низший в иерархии типологизирующих параметров показатель – характер деривационных средств, наличие которых в данном случае облигаторно. Кратко укажем на основные деривационные особенности агентивного типа предметных наименований.

1. Исключительная продуктивность аффиксации при возникновении однословных наименований, активное использование в качестве

ономасиологических базисов суффиксов *-ец-, -тель-, -ник-, -ик-, -щик-* и некоторых других.

2. Некоторая неупорядоченность в использовании ономасиологических базисов и как следствие этого существование номинативной избыточности (*мережникъ – мережчикъ, мздоимщикъ – мздоиматель – мздоимецъ, кирпичникъ – кирпичикъ* и под.).

3. Распространенность семантической конденсации как средства появления универбов, причем конденсации двух видов: типа *зелейный мастер – зелейникъ, зелейщикъ* и типа *понятой человекъ – понятой*.

4. Частотность способа возникновения наименования с использованием основосложения и суффиксации (*земледелецъ, землепашецъ*).

Что касается неоднословных наименований, то показатель характера деривационных средств для них неактуален. Возникают подобные единицы путем развертывания базового имени, которое по каким-то причинам оказывается не в состоянии выполнить номинативный запрос и назвать предмет в соответствии с выявленным у него признаком. Вероятно, можно в принципе говорить об изоморфизме вторичных неавтономных универбов и бивербов. Тогда ономасиологический признак наименования будет эксплицирован в атрибутивном компоненте биверба, а ономасиологический базис – в базовом имени, а при конденсации конверсивного типа приходится констатировать редукцию базиса и его импликацию (Ср.: *человекъ дворный – дворникъ и грамота отпускная – отпускная*). Это, однако, предмет отдельного разговора.

1. Вепдина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура. Т. 1. М., 1998.

2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

3. Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.

4. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 2000.

Г. К. Чахоўскі (Мінск)

ЛІНГВІСТЫЧНЫЯ МАДЭЛІ ГЕНЕРАВАННЯ МАУЛЕННЯ І ТЭКСТУ

Генераванне маўлення (ГМ) мае даволі багатую традыцыю вывучэння. У сярэдзіне – канцы 1960-х гадоў найбольш пашыранымі і вядомымі канцэпцыямі лічыліся узроўневая, цыклічная і інтэгратывная. Ва *узроўневай* мадэлі кожная стадыя вылучаецца згодна з той моунай падсістэмай (фаналогія, лексіка, сінтаксіс і г. д.), якая пачынае